

Ростислав Мурзагулов

БАБАЙ

ВСЕЯ РУСИ

или особенности уездной демократии

Ростислав Рафкатович Мурзагулов

Бабай всея Руси.

Или особенности

уездной демократии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17193949

ISBN 9785447439354

Аннотация

* ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ 18+ *НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ (МУРЗАГУЛОВЫМ РОСТИСЛАВОМ РАФКАТОВИЧЕМ, СОДЕРЖАЩИМСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ) ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА (МУРЗАГУЛОВА РОСТИСЛАВА РАФКАТОВИЧА, СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ). Партактива проверяющий толком так и не увидел, а вот отдельных веселых и щедрых сочувствующих партии встречал постоянно. Несмотря на почтенный возраст, не обделил он вниманием и представительниц женской ячейки Кировского района. Также он внимательно изучил качество продукции республиканского спиртопрома. В последний вечер проверки

прикрепленный нами к партбонзе бизнесмен А. торжественно зашел в кабинет к Радию и слегка заплетающимся языком объявил: «Еще один пал жертвой нашего гостеприимства!»

Содержание

Предисловие	7
Еще одно предисловие	10
Опытный хозяйственник, грамотный специалист	17
Звоночек от суда	25
«Республика не отдаст чужакам своих завоеваний!»	28
Конец сражений с лесником	33
Убийство в сомнительных политических целях	38
Как я не сделал Алсу беременной	40
Бабаевцы vs Бабай	43
Местечковые «младореформаторы»	45
Новый улучшенный Бабай	47
Огни	51
Нацпроект по поддержке заборостроения и травokoшения	56
«С молодыми мне легче работать»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бабай всея Руси Или особенности уездной демократии

Ростислав Мурзагулов

Фотограф Раиф Бадыков

Фотограф Олег Яровиков

Фотограф Ханиф Сунугатуллин

Фотограф Альберт Загиров

Фотограф Николай Марочкин

Корректор Валентина Балашова

Редактор Шамиль Валеев

Редактор Нафиса Билалова

Дизайнер обложки Яков Бояршинов

© Ростислав Мурзагулов, 2023

© Раиф Бадыков, фотографии, 2023

© Олег Яровиков, фотографии, 2023

© Ханиф Сунугатуллин, фотографии, 2023

© Альберт Загиров, фотографии, 2023

© Николай Марочкин, фотографии, 2023

© Яков Бояршинов, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-3935-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Однажды в моем кабинете зазвенел второй по крутизне селектор. На лакированном столике шикарной олдскульной ГДР-овской спецсерии 70-ых годов были представлены селекторные аппараты всех трех возможных уровней крутости. По самому наикрутейшему могли позвонить только из грозного Белого дома, где автор этих строк служил. Номера там были всего из двух цифр и абонентов была всего пара десятков. Аппарат выглядел космически, соединение шло мгновенно, и от иных его звонков все подпрыгивали и говорили, стоя «во фронт». Этот аппарат не просто так называли «инфарктором». А третьего сорта селекторы стояли у кого попаало, даже у замзавотделов каких-нибудь Росбашсельпромархивов.

По селектору второй крутости звонил Министр печати нашей территории, которая размерами и числом превосходит добрый десяток стран Европы, тоже вполне себе «зур нащалик»¹, но из другого здания:

– Слушай, у меня тут заседает Комиссия по писательской госпремии имени Халабердыева. И вот я смотрю положение – тут про актуальность, количество читателей, много чего еще, что говорит о том, что премию в этом году мне при-

¹ Большой начальник (местный чиновничий сленг)

дется отдать тебе!

– Чо?!

– Да ничо. Сегодня «Шурале²» опубликовал твою книжку политическую со всей правдой про нас, видал? Ее уже пол-республики прочитало.

Аптраган³. Будучи действующим чиновником с селектором первой крутости, никаких политических книжек, тем более со всей правдой, я, разумеется, не публиковал, но когда-то написал черновик таковой. Было понятно, что кто-то из политических оппонентов стащил его и вывесил в сеть, чтобы показать всем, какой я плохой. Черновик я написал несколькими годами ранее «в стол», скорее, чтобы не забыть деталей своей работы с «Бабаем⁴», а потому не стеснялся в приведении всевозможных фактов, которые можно было трактовать по-разному и уж точно не стоило публиковать, все еще работая в Белом доме.

Так и пришлось отказаться от премии имени Халабердыева. Да и вообще от авторства этой книжки, хотя гудели журналисты не один день: «Правда, нет?! Seriously, Бабай так говорил? И что, так и было?».

Но вот сейчас, когда в Белом доме уже все жучки от простаивания заискрили в моем бывшем кабинете, пришла

² <https://rbpolit.wordpress.com/> – интернет-сайт, специально созданный для размещения компромата на местных чиновников

³ Англицизм «Упс!» произносится в этой части России именно так

⁴ На некоторых тюркских языках – «дедушка», прозвище главы нашего региона

мысль – а почему бы все же не довести до ума черновик и не рассказать-таки городу и миру, что за веселое это дело – российскими регионами руководить?

Так и появился на свет этот роман. Устраивайтесь поудобнее.

Еще одно предисловие

Случилось так, что лет 10 автор этих строк был советчиком по разным щекотливым вопросам у одного регионального «политического тяжеловеса» федерального масштаба. Щекотливость вопросов требовала хорошей информированности о клиенте и пребывания каждый день рядом, куда он – туда и я. Сведений о тяжеловесе и деталях его жизни и работы у меня в результате собралось прилично. В том числе и таких, о наличии которых те, кто не провел рядом с Бабаем годы, даже не подозревают.

О том, какой он есть, вообще мало кто знает, даже в его же вотчине. Казалось бы – вот странность, каждый день о нем тут говорят тысячи слов и уж каждый-то житель региона должен бы знать своего самого знаменитого земляка как облупленного. Но так часто бывает, особенно с Великими Вождями, к числу которых Бабай естественным и историческим образом относится.

Все дело в том, что они еще при жизни превращаются в бронзовый памятник, а поди узнай у Ильича на площади Ленина, какой он был на самом деле? Никакой объективной информации, кроме собственных поверхностных выводов о высоте лба и доброте прищура.

Мой вымышленный Бабай умел нахмуриться точно так же, как запечатленный тут президент Башкирии Муртаза Рахимов

Шустрые мальцы при Великих Вождях книжки писать после изгнания с теплых кресел просто обожают. Явление это вполне объяснимое. Информация разъедает мозг носителя Страшной Тайны и прет наружу как иголки-отруби из страшилиной головы в сказках Волкова. Ты ж понимаешь, что тут такое знаешь, рассказать – все ахнут. Держать это в себе невозможно.

Иному коллеге, бывает, страсть как хочется объяснить миру, какой нехороший человек был его начальник, какие богомерзкие дела он вытворял и как героически коллега этому противостоял. А когда, типа, понял, что не в состоянии победить систему (*в этом месте тембр голоса повышается до громогласного*) – швырнул ему на стол заявление и ушел, по собственному, между прочим, желанию (*ну да, как будто по «несобственному» у нас из широких кожаных кресел уходят!*)

Ну и третий, и тоже немаловажный мотивчик делаться писателем-про-заек – естественно, бескорыстная любовь к денежным знакам. А покупать-то, хоть рублей за сто, но будут! Это ж про Бабая, а он во всей округе главная, да ладно – единственная суперзвезда! У маркетологов это называется «на бренде покататься». Когда, если это про звезду – пиши

любую чушь, все равно, хоть какой-то интерес обеспечен.

Одним словом, не миновала и вашего покорного слугу чаша сия. Пишу вот.

Подбирался к этой книжке долго, года три. Все думал – с чего же начать и как бы все лучше подать. Информации-то действительно много, но всю ж подряд все равно не выдашь. И судиться совсем не хочется.

А главное... Как бы это без пафоса... Все ж таки он меня, можно сказать, в люди вывел. Ну, вместе, правда, с руководством одного из главных наших телеканалов, на котором в тинейджерском возрасте оказался, помнится, автор этих строк ведущим новостей. А умилённый успехами малолетнего соплеменника в ящике, Бабай потом поставил 25-летнего нахала на министерскую должность, снабдил полномочиями размером с геббельсовские и только отмахивался четыре года от разных старых соратников, сообщавших, что Ростислав, мол, кыш, пыш и тохтамыш...

Да и странным было бы сейчас начать рассказывать, что дед этот, оказывается, тако-ой гнусный тип, что ни в сказке сказать, ни в книжке биографической описать. Это я что, сразу после отставки прозрел? Значит, пока меня не погнали – он как бы хороший был и я ему всячески содействовал в его делах, а потом вдруг понял, что, ой, душу дьяволу продал?!

Неа, не бывает так.

Не поверит в это читатель, не станет книжку покупать...

Но и не хочется ведь ваять нетленку про «выдающуюся роль первого президента республики в становлении регионам-донором, опорным краем, бла-бла-бла»... Это, наверное, тоже нужно, но на это уже есть целый Союз писателей республики, 30—40 членов которого, по моим прикидкам, понимая, что даже Великие Вожди не вечны под лунной, заблаговременно написали по 600—700 страниц хорошо структурированной биографии и тоже рассчитывают получить свой баснословный гонорар, и отбирать у них хлеб нехорошо, тем более другого у них нет.

Да и если сказать, что Бабай и его окружение состоят толь-

ко из достоинств – тоже вранье получится, а хочется побаловать читателя правдивым рассказом о бабайском закулисье.

Вот так и родилось у автора пока только этого предисловия вполне себе мудрое решение – биографию Бабая не писать. А назвать эту книжку романом, основывающимся на реальных событиях. Ведь делают же так в Голливуде – написали «бэйсд он тру стори» – и можно лепить историю о том, что в Великой Отечественной победил рядовой Райан.

Вот и Вам, дорогой, не пожалевший для меня сто рублей человек, сейчас будет рассказано, как один рядовой героически вел летопись политических баталий Бабая, первого президента республики.

Повествование это может получиться весьма занимательным.

Во-первых, главный герой повествования – действительно крайне незаурядная личность, противоречивая настолько, что в ней можно разглядеть одновременно черты гения и редкого тупицы, подлеца и кристальной души человека.

Во-вторых, хоть это все и выдумка, а все-таки написано человеком, который своими глазами видел много всякого интересного, чего мало кто еще видел.

И в-третьих – и это, может быть, самое важное – автор этих строк многое понял о том, что в нашей стране происходит, и почему не в то время, когда варился в самой гуще информации в Останкино, а в тиши властных коридоров российской глубинки с регулярными, как и встарь, набегам

на Москву.

Постараюсь поделиться этими знаниями.

Напоминаю, особенно Вам, уважаемый господин прокурор, что все события, хоть и основаны на реальных фактах, но Вы ж понимаете (в этом моменте многозначительно подмигиваю в камеру) – вымышлены от начала до конца, а все совпадения – случайны. Итак, начинаю фантазировать.

Опытный хозяйственник, грамотный специалист

Для начала небольшой исторический экскурс.

Бабай начал править в регионе с 1990-го года. Некогда стройная советская система назначения компартией всех на все посты, от генсека до распоследнего дворника, тогда как раз окончательно приказала долго жить, и после того, как очередного первого секретаря местного обкома отозвали с места, где начало попахивать керосином – другого при-слать как-то забыли.

Выбирать, кто будет править республикой с просыпающимся национальным самосознанием стали депутаты местного Верховного совета. Выбирать было особенно не из кого. Звезд в здешней политике не было за отсутствием в истории дивного края этой самой политики на всем протяжении ее пусть не самой древней, но все же истории.

Депутаты подумали и решили, что раз политиков у нас нет – надо выбрать кого-то, кто умеет чем-то руководить. Разумеется, естественным образом первыми кандидатами стали те, кто руководил отгроханной тут когда-то всем Союзом нефтянкой. Самым харизматичным из них был как раз Бабай. Трудовой путь от сохи до директора крупнейшего в Европе нефтезавода, образование – три класса и два коридора,

(естественно, плюс, как положено, заочно нефтяной на тройки), на заводе каждый винтик знает, в коллективе пользуется безоговорочным авторитетом, ни дать ни взять – «опытный хозяйственник, грамотный специалист, ответственный и умелый руководитель»⁵.

Так обычно выглядит в невымышленной жизни «опытный хозяйственник, грамотный специалист, ответственный и умелый руководитель»

⁵ Чиновничье клише из их поздравлений друг другу

Сам Бабай к обкомовскому зданию «на горке» всегда относился с недоверием. Как он сам потом рассказывал – «ничего, кроме пи..юлей, там было получить нельзя». В лучшем случае пи..юлей за отставание в соцсоревновании надо было ждать в виде мягкого ворчания, а в худшем (до которого, хвала аллаху и руководству Компартии, дело не дошло) – можно было и партбилет положить, навсегда позабыв о так полюбившихся заграничных поездках для ознакомления с передовым капиталистическим опытом.

Именно поэтому Бабай и согласился. Завод он, конечно, любил больше всего на свете, даже больше, пожалуй, чем красавицу-жену Луизу и единственного наследника Урала, но где была гарантия, что новый начальник, который, скорее всего, тоже будет выделять всем стабильные объемы люлей, не захочет первым делом поменять руководителей на заводах? Этого допустить было никак нельзя.

Большинство (пока еще не подавляющее, как в последующие годы) депутатов, проголосовало за него, думая, что больших проблем в будущем этот простоватый работяга им не принесет.

Бабай стащил с завода старенькое кресло (то есть буквально припер с собой в новый кабинет), к которому прикипел не только в переносном, но и в самом прямом смысле, и стал руководителем республики.

Тут-то и открылась Бабаю страшная тайна, которая

не тайна только для избранных (чувствуете, читатель, торжественность момента?). Он с ужасом узнал, что, оказывается, делать руководителю республики, будь он первый секретарь обкома или глава Верховного совета, решительно нечего. И что если он совсем ничего не будет делать – то ничего в республике не изменится, и люди никак на себе это не почувствуют, а может, им даже полегче немножко станет. Понятно, что многие сейчас с этим утверждением не согласятся, что губернатор определяет экономический климат в регионе, стратегию развития и все такое – и все это правильно. Однако это все – из ученых разработок политэкономических теоретиков, которых наш герой, увы, не читал. А переместив свое кресло в «шакировский⁶» кабинет, с ужасом узнал, что, в отличие от директора завода, председатель Верховного совета не держит в своих руках все ниточки, ведущие к каждому из четырех миллионов подчиненных.

Эта ситуация его никак не устраивала.

Он, конечно, краем уха в заграничных поездках слышал, что бывают такие «институты гражданского общества», которые основываются на выборности, самоуправлении, общественном контроле, равноуровневой власти и независимых СМИ и т.п., но это все как-то не внушало доверия новоявленному политику. Он считал, что руководитель – должен руководить. И точка. Руководить всеми, кто находится на вве-

⁶ Шакиров – один из последних советских лидеров БаССР, отличавшийся крутым нравом

ренной территории. Отдавать команды и принимать доклады об их выполнении.

И Бабай решил преобразовать несовершенную, на его взгляд, властную структуру республики по образу и подобию своего режимного предприятия и стать его директором.

Сказано – сделано.

В демократию вверенная ему республика наигралась очень быстро. В принципе, демократия и не была никогда близка и понятна ни титульной нации, ни всем остальным, представленным в этом крае.

Ну митинговали пару раз активные молодые люди из далеких от столицы региона населенных пунктов в начале девяностых возле телецентра, употребляя слово «демократия» в слоганах. Но Бабай довольно быстро просек, что у этой молодежи определение термина «демократия» немного отличается от общепринятого и обозначает скорее «свободу молодежных группировок в возмездном предоставлении торговцам на рынке защиты от отдельных своих членов». Эту свободу Бабай им легко предоставил.

А других свобод, может, кто и хотел – но особенно не требовал. Да к тому же, когда в результате перестроечного экономического шока и трепета на прилавках всех башкирских продмагов остались только похожий на солому турецкий чай и морская капуста с песком, народ стал требовать, чтобы хоть первый секретарь, хоть хан, хоть царь дал кому-то команду и чтобы хоть что-то еще в продмагах появилось.

Тут старый и хитрый партаппаратчик Урал Насырович, засидевшийся в Белом доме чуть ли не со сталинских времен в должности Главного серого кардинала, и сказал, что Бабай тут теперь называется с большой буквы – Уважаемый Президент, «Хорматле Пиризидентыбыз⁷» на чиновничье-местном, что всем надо его слушаться и порядок на вверенной территории он наведет.

И навел, кстати, причем, в кратчайшие сроки. Заводские порядки – они результат дают быстро.

Он разделил сектора ответственности, расставил своих знакомых вице-преьерами, министрами и далее – вплоть до глав сельсоветов, физруков и медсестер. И полетели разнарядки.

Все как-то зашевелилось, заработало, и уже готовые к самому худшему люди, уже закупившие, было, в промышленных количествах соль и спички, поняли, что соль и спички можно тратить, не кончатся, а значит, пусть себе и будет Бабай хоть Президентом с большой буквы, да хоть королем зверей и рыб, лишь бы хуже не стало.

Не стал Бабай церемониться и с федералами, тем более, которые тогда еще не умели не только строить вертикаль, мочить в сортирах террористов, но даже и сажать за экономические преступления, бывшие тогда главным национальным видом спорта и национальной идеей России.

Вслед за Татарстаном (да, да, как обычно, вслед, потому

⁷ Президентушко (башк.)

что Казань к Москве в два раза ближе, чем вотчина Бабая, и в Лувре на старинной карте мира Казань есть, а на месте здешней столицы, увы – густой урман⁸) с дедушкой Ельциным был подписан договор, суть которого, вкратце, сводилась к тому, что бабаевская республика – суверенное государство, и если и отдает что-то в федеральный центр или в чем-то ему помогает, то только от широты бабайской души. А вот лезть в дела суверенного государства мы никому не рекомендуем, потому как всем суверенитетом в республике обладает народ, и он может и решить, что без Москвы мы вообще будем все жить как Кувейт. Про Кувейт, кстати, не шутка, Бабай всем Кувейт как раз и обещал все девяностые, пока не сообразил, что Кувейт – отдельная страна, вообще-то.

Соответственно – Москва особенно и не лезла, до поры до времени.

Чисто формально в республике, конечно, существовали ведомства, которые как бы не подчинялись здешнему президенту, а подчинялись федеральному центру. Но в реальности для любого местного «федерала» был только один царь и бог – Бабай. Это касалось и судей, и прокуроров, и налоговиков, и милиции, разумеется, не говоря уже про всех остальных Рос-чего-то-там-надзоров.

Пару раз Москва пыталась шалить и ставить кого-то куда-то, не согласовав с Бабаем, но такие бунты пупсиков пре-

⁸ Лес (башк.)

секались жестоко и категорично. Несогласованный чиновник становился в регионе нерукопожатным изгоем, носителем статуса «врага республики» и человека, который «против президента пошел». Работать в таких условиях человеку довольно быстро становилось невыносимо, и все становилось на свои места, изгой – обратно в Москву, а какой-то друг республики – на освободившееся кресло.

Звоночек от суда

Однако на каждого Милошевича рано или поздно находится своя Карла дель Понте. Закончилось и всевластие Бабая.

Когда в далеком уже 99-м году Борис Николаевич Ельцин назначил премьер-министром России Владимира Владимировича Путина, Бабай был все еще полновластным хозяином республики.

Федералы в еще допутинскую эпоху уже начали пытаться вытащить из-под Бабая хотя бы силовиков, но получалось не очень.

Первым заикнулся о том, что его руководитель не Бабай, а Борис Николаевич, глава местного Верховного суда. Поводом для демарша стал приказ Бабая решить какое-то очередное дело, как он велит. Совершенно обычная, в общем, практика для тех времен. Видимо, что-то в приказе было такое, что уж совсем судье делать не хотелось. Ну да что именно это было – не знаю, а врать не буду.

В регионе сразу же началась серьезная кампания в СМИ на тему коррупции в судебной системе. Сфера, где в суде обнаружилась коррупция, подобрана была довольно быстро – это оказался процесс сборки мебели для кабинета председателя суда.

Корреспонденты в яростно-обличительных материалах

ясно давали понять, что ниточки ведут к самому Верховному судье. Который – страшно сказать! – нанял на эти мелкие хозяйственные работы в здании суда собственного сына с однокурсниками. И заплатил ему из казны, сейчас уж не вспомню сколько, долларов 50, наверное.

Местная общественность, конечно же, не стерпела. Ее порыв поддержала даже передача Первого канала «Человек и закон», ведущий которой г-н Пиманов был оскорблен в лучших чувствах умыкнутом из республиканской судейской казны полтинником, презрительно вопрошая – имеет ли моральное право такой судья руководить судейским корпусом республики? Возмутились и другие федеральные СМИ – как же пройти мимо плохо лежавших 50 долларов...

Дым от процесса быстро достиг и самого дедушки Ельцина. Однако федеральный центр в первый раз проявил принципиальность. И несмотря на эти «громкие» разоблачения, судью с должности не снимал.

Но другие судьи в республике в основном решили, что хоть по Конституции подчиняться судьи и должны только закону, а не Бабаю, но жизнь сложнее конституций, а председатель их, не пойми зачем, и сам залез под каток, и их еще за собой потащил. Особенно загрузили те, кто стоял в очереди на жилье от хозяина региона, поняв, что своих 16-ти аршин ждать им теперь и не дожидаться. В общем, зачастили подчиненные председателя в Белый дом. Так и звали тут потом судей чиновники – одних «нашими», а других «не на-

шими».

Так-то оно так, но звоночек для Бабая тогда прозвучал. А после начала путинской эры прозвучал и набат.

«Республика не отдаст чужакам своих завоеваний!»

В начале двухтысячных Бабай начал понимать, что что-то идет не так.

Власть Путина становилась все более прочной, все реже губернаторы стали возражать новым московским руководителям с питерскими корнями.

Начал встраиваться в стремительно возводимую вертикаль власти и Бабай. Он совсем перестал при чужих людях и в присутствии прессы произносить свои расхожие пренебрежительные фразы а-ля «что они там понимают в Москве», «жизни не видели», «три курицами не командовали» (характеристика Бабая 99-ти процентов московских чиновников) и т. п. Правда, в кругу своих фразы стали куда злее. Такими же резкими были и незримые ответы на экспансию федерального центра.

Первым делом Бабай согласился с одним из менеджеров местной нефтянки о том, что эту самую нефтянку надо припрятать куда подальше, иначе из государственной она быстро станет негосударственной.

Менеджер был весьма убедителен. То ли потому, что звали его Урал, то ли в силу отчества, сильно похожего на имя Бабая. А может, и идентичность его фамилии с фамилией

Бабая добавила красноречия.

История с ТЭКом, разумеется, заслуживает отдельной главы, которую чуть ниже она и получит, а пока просто коротко расскажем, как это было: вышеупомянутый талантливый мистер менеджер создал 7 обществ с ограниченной ответственностью. Эти ОООшки банально заключили договоры купли-продажи на контролирующие доли предприятий ТЭКа. А ввиду того, что таким мегахолдингам, как ООО «Свисток», «Лютик» или «Ягодка», как правило, не хватает составляющих их капитал стола и ручки, чтобы расплатиться за то, что строилось всем советским народом за миллиарды долларов – то расплатились эти ОООшки за свежеприобретенную собственность теми же самыми акциями ТЭКа.

Бабай тогда еще подумал, что не зря он сына во Франции и Америке уму-разуму учил. И гордо говорил во всех интервью, что мы единственные, кто нефтяное народное достояние сумел не сдать за бесценок олигархам, а оставил работать на благо народа республики.

Красота, да и только.

Но понравилось это не всем.

Не один и не два «серьезных человека» из Москвы уже не первый год подавливали деда, чтобы он как раз отдал нефтянку в частные руки. Зачем это делали серьезные люди из Москвы?

Ну, это же очевидно. Они ж там патриоты все.

И переживают, что государство – неэффективный соб-

ственник. И если отдать республиканский ТЭК в частные руки – то государство получит гораздо больше средств в виде налогов. И только этим и руководствовались серьезные люди из Москвы. Что тут непонятного?

Но Бабай все отказывался это понимать.

И говорил во всеуслышание, что у него самый распрекрасный менеджмент на заводах, что глубина переработки нефти стремительно приближается к ста процентам и что частники-негодяи будут только челси-шмелси-яхты-вертолеты на нефтяные деньги покупать, а не социально-политическую стабильность в республике поддерживать.

Гонцы, пытавшиеся Бабая в этом разубедить, приезжали один за другим. В нескольких московских кабинетах, со столами размером с небольшую взлетно-посадочную полосу, Бабаю тоже прямо говорили, что одному тут крупному холдингу, исключительно для реализации страшно важных для государства задач, надо обязательно интегрировать в себя бабаевскую нефтянку, да поскорее. По моим приблизительным подсчетам, общее количество прослушивания серьезными московскими людьми бабаевской пластинки про глубину переработки – подонков-олигархов – «ыстабылнст⁹» в республике составило никак не меньше примерно 150-ти нормочасов.

На сто пятьдесят первом часе терпение собеседников Бабая лопнуло.

⁹ Стабильность (местный чиновничий сленг)

Как раз на горизонте показались очередные президентские выборы в республике.

Эти выборы давно уже весьма беспокоили семью Бабая – по российской конституции, на очередной срок выдвигаться ему вроде как было нельзя. Однако Владимир Владимирович не хотел потрясений, связанных с окончанием сроков у десятка так называемых российских губернаторов – «политических тяжеловесов». Потому что так просто из власти никто из них не ушел бы, а так или иначе постарался бы за собой руководство оставить, что могло привести к непредсказуемым последствиям.

Так, например, Бабай даже успел объявить, что президентская республика – это и не демократично, и не современно, и неэффективно, и вообще плохо со всех сторон и что надо наконец отдать власть от какого-то там президента непосредственно народу. И что республика уже решила перейти к парламентской форме правления. Соответственно – небольших поправок в Конституцию республики было бы достаточно, чтобы пост президента упразднить, всю власть передать республиканскому парламенту (он же Государственное собрание – Курултай), а спикером парламента, естественно, назначить не кого-нибудь, а кого народ больше всех поддерживает. Разумеется, работающий в том Курултае народ с радостью поддержал бы Бабая, ну, или, в крайнем случае, Урала Бабаевича, но уж, конечно, никого больше. И в этом случае никакие дурацкие ограничения на количе-

ство губернаторских сроков не помешали бы Бабаю и Уралу править, как положено, сколько аллах отпустил (хоть в аллаха ни тот ни другой, будучи прагматиками, особенно не верили).

Владимир Владимирович прекрасно понимал, что парламентские республики, края и области сейчас начнут плодиться, как поголовье скота в Хайбуллинском районе под мудрым руководством Бабая, и принял классическое соломоново-путинское решение. Ну, точнее, решение формально принял не Путин, а как бы Конституционный суд России, но что-то мне подсказывает, что Путин приветствовал это решение. В общем, Конституционный суд РФ сказал, что губернаторские сроки надо начинать отсчитывать с 99-го года, когда вышел в свет федеральный закон о власти в субъектах РФ, установивший ограничения по количеству сроков. То есть все предыдущие срока – обнулились.

Но при этом Бабая, как и всех остальных, строго-настроено попросили не городить огород с парламентскими и прочими республиками. Мол, право переизбираться вам дали – вот и переизбирайтесь.

Если сможете...

Конец сражений с лесником

Бабай привык на всех выборах в тяжелейшей борьбе одолевать собственного «лесника». Именно так у нас стали, после его победы над министром лесного хозяйства местного правительства на выборах 96-го года, называть кандидата-дублера, единственной задачей участия в выборах которого являлось придание им легитимности, если оговорено участие более чем одного кандидата. Тот министр яростно агитировал против себя на всех встречах не то что с избирателями – даже с собственной тенью, говоря, что он всего лишь лесник и дублер. Пару раз выдвигались записные местные оппозиционеры, но политически, финансово, электорально опасности они не представляли, да к тому же, чтобы не отвлекать Бабая от неустанных забот о социально-экономическом развитии республики, кандидатов еще и на всякий случай снимали с выборов за какие-нибудь вопиющие нарушения вроде подкупа избирателей за пучок редиски.

Как вдруг, перед выборами 2003 года, на кампанию заявилось сразу два независимых кандидата. Да каких кандидата! Нет более страшных врагов, чем бывшие друзья.

Так получилось, что у Бабая, как и у большинства других великих вождей, многие друзья стали лютыми врагами.

Один из самых ярких республиканских бизнесменов, со-основатель крупного впоследствии федерального банка Сер-

гей Верременко был для Бабая (записал с его же слов) «как вторым сыном». Сергей Алексеевич дружил и партнерствовал и с Бабаем, и с Уралом. Он был для них и неиссякаемым источником кипучей бизнес-энергии и просто приятным в общении человеком. Особенно им нравилось, что и он, и его жена (она же ближайший соратник), обаятельная и ироничная красотка Алла, ведут себя с президентской семьей абсолютно не так, как все остальные – заискивая и заикаясь, а как нормальные люди с нормальными людьми. Семейство Бабая за долгие годы на престоле соскучилось по простому человеческому общению. Не мешала даже большая разница в возрасте. Алла Верременко и Луиза, жена Бабая, «хозяйка» республики, так просто были близкими подругами, делясь друг с другом самыми сокровенными подробностями житья-бытья. А вы думали, что семьям Великих Вождей не нужно простое человеческое общение? Ошибались, если думали.

Разумеется, окружение боялось этого увлечения царственной семьи как огня. Бабая, по старинному местному обычаю, о котором вы еще не раз здесь прочтете, понесли «кампырамат¹⁰». В чем уж там конкретно обвиняли Сергея Алексеевича и во что именно поверил Бабай – сложно сказать. Верременко – человек активный, и повод обвинить себя в желании утащить все, что плохо лежит, и оставить многострадальный народ с носом, наверняка давал неоднократно.

¹⁰ Так звучит слово «компромат» у некоторых местных чиновников

Так или иначе – однажды Сергей Верременко обнаружил, что Бабай и все члены его семьи всякие отношения с ним и членами его семьи прекратили.

Резко, как всегда, без объявления войны, но, как всегда, бесповоротно – дружба закончилась.

Не знаю, может быть, все Великие Вожди так борются со своими человеческими слабостями, прерывая тяготящие дружеские отношения раз и навсегда? Не знаю, ни за одним больше Великим Вождем я не наблюдал пристально и в непосредственной близости много лет.

Но люди говорят, что видели, как в описываемый период как-то раз случайно попали на один рейс в маленьком салоне бизнес-класса Бабай, его жена и Алла Верременко. Те, кто это видел, говорят, что обе женщины утирали слезы весь рейс, но под суровым взглядом Бабая так и не смогли друг с другом даже обменяться приветствием. Сам я, повторюсь, этой картины не видел, может быть, что-то кто-то здесь и преувеличил, но вряд ли исказив до наоборот.

В итоге Сергею Верременко пришлось перетаскивать весь свой бизнес в Москву, где, к его чести нужно заметить, он во все не затерялся, что, видимо, говорит о том, что всеми своими успехами он не обязан только и исключительно семье Бабая. В столице Сергей Алексеевич окончательно оформился олигархом из фэрбсовского списка, познакомился со многими из тех, кто нами руководил, но при этом, как и все, кто уехал из бабаевской вотчины в похожих обстоятельствах

за последние двадцать лет – страстно хотел вернуться. Естественно, только на белом коне. Как говаривает один мой московский друг, «со всеми вами, нацменами, одно и то же – только с вами начнешь дела иметь, как вы тут же в родной аул сваливаете». Это в полной мере касалось и Сергея Алексеевича с его украинско-русскими корнями.

Его предвыборная кампания была не только профессиональной и дорогостоящей – она была яростной и эмоциональной. В сонном крае, где десятилетиями главной новостью было отсутствие хоть каких-нибудь новостей, появился человек, который бросил вызов непререкаемому авторитету Бабая.

Веремченко бросал обвинения, каких ни сам Бабай, ни кто бы то ни был из четырех миллионов жителей республики не слышали никогда. Он бил наотмашь, не выбирая слов и не соблюдая никаких приличий. Он был полностью поглощен этой борьбой, и это завораживало жителей региона, которых в данном разрезе можно уверенно называть обидным словом «электорат».

Электората в итоге набралось за Сергея Веремченко около четверти.

И в случае, если другие протестно голосовавшие граждане, которые отдали голоса за второго оппонента Бабая на тех выборах – Ралифа Савина – пришли бы на второй тур, полагаю, значительная часть из них поставила галочку бы напротив чьей угодно фамилии, только не фамилии Бабая.

Ралиф Савин, тогда один из первых лиц одной из крупнейших российских бизнес-империй, был оппонентом пусть и чуть менее ярким в личном плане, чем Верременко, но ничуть не менее опасным для Бабая.

Для элит его участие означало, что против Бабая работает одна из всемогущих бизнес-империй страны.

Для населения же Савин был в первую, во вторую и в третью очередь папой кумира всех татарских девушек в мире по имени Алсу, на тот момент одной из ярчайших звезд российского поп-небосклона.

Ралиф Рафилович активно задействовал звездную дочь и ее коллег по музыкальному цеху в своей кампании. К тому же выяснилось, что и он не лишен харизмы и обаяния и предстает перед людьми эдаким своим парнем из татарской деревни. А особенно помогали ему (как и Сергею Верременко, впрочем) как бы прорахимовские дуболомы, как правило, главы местных администраций, которые выполняли приказ кого-то не менее выдающегося из столицы республики типа «вырубить электыр¹¹» на встрече Савина с избирателями, проколоть колесо, разогнать концерт поп-звезд и так далее. Все эти доморощенные технологии политической контрпропаганды, разумеется, делали из оппозиционеров народных героев, освободителей от столь распространенных проявлений местечкового идиотизма.

¹¹ Так многие в Башкирии называют электричество

Убийство в сомнительных политических целях

Автора этих строк пригласили консультировать штаб Бабая лишь за пару месяцев до развязки, когда противоборствующие стороны уже окончательно потеряли чувство меры, а кто-то из них и человеческий облик.

Я бы хотел посмотреть в глаза автору гениальнейшей «предвыборной технологии», когда у офиса президентского сына взлетел на воздух джип, где погибли два парня, которым подфартило устроиться на эту хорошо оплачиваемую работу.

А точнее сказать – я уверен, что смотрел в глаза этому человеку.

Я знаком или пересекался по работе со всеми, кто был вовлечен в выборную истерию-2003, с обеих противостоявших сторон. А тот, кто заказал тот взрыв, несомненно, сделал это либо в предвыборных целях, либо с целью прикрыться выборами (значит, тоже был «в теме»).

Жесткий, крайне неприятный факт – знать, что ты соприкасался с кем-то, способным в сомнительных политических целях убивать людей. Но мне никуда не деться от факта, что либо те, на чьей стороне я работал, либо наши оппоненты убивали людей в политических целях. Именно поэто-

му во всех политических кампаниях, в которых после этого мне приходилось участвовать, я всегда проговаривал вслух со своими партнерами и коллегами правила игры и по возможности передавал такое же предложение на противоположную сторону баррикад – есть вещи, на которые мы не будем обсуждать даже теоретическую возможность пойти.

И мне всегда везло на коллег и партнеров, которые, как и я, хотели успеха, но не хотели становиться убийцами, грабителями, насильниками или кем-то еще в таком роде.

Как я не сделал Алсу беременной

Чувство меры отказывало участникам событий 2003 года не единожды.

Однажды, через пару лет после окончания этих событий, в ресторане, где мы ужинали с женой и дочерью, к нам подошел крепко подвыпивший человек.

– Вы же Ростислав, да?

– Да.

– Я вас ненавижу, Ростислав. Я односельчанин Алсу, которую вы сделали беременной.

О том, что в поствыборной республике меня и должно не любить примерно столько же человек, сколько проголосовали не за Бабая, я, конечно, догадывался, но это обвинение было перебором, конечно.

Речь естественно, не шла о том, что я сделал Алсу беременной в физическом смысле. Обвинение было гораздо более серьезным.

Поддатый дядька, видимо, считал, что я управлял всей кампанией кандидата и готовил каждый предвыборный продукт. Включая невероятную по размерам урона, который понес имидж нашего кандидата тошнотворную телепередачку «Намедня», вышедшую несколько раз на государственном бабаевском ТВ незадолго до первого тура голосования.

Для тех, кто счастливо избежал контакта с этим ше-

девальным произведением телевизионных деятелей искусств, вкратце скажу, что это была как бы юмористическая передача, где высмеивали оппонентов Бабая и рассказывали о них различные небылицы, которые должны были, по замыслу авторов, сделать Верременко и Савина всеобщим посмешищем.

Посмешищем в итоге выглядел, правда, Бабай. Потому что на канале, где он с утра до вечера проявлял заботу о республике, эта «Намедня» воспринималась как прямая речь кандидата Бабая. И это была речь, которая его не красила.

Возвращаясь к истории с Алсу – эта была, в общем, ничем не примечательная халтура залетных предвыборных пиарщиков. В выше (не к ночи, надеюсь) упомянутой телепередаче (такие мои коллеги часто называют педерачами, понятно почему) рассказали сенсационную «новость» о том, что Алсу беременна от своего темнокожего охранника.

Как это должно было, по замыслу залетных политтехнологов, оплаченных сочувствующим семье Бабая крупным бизнесменом, повлиять на электорат – не знаю.

Но после пары выходов этой разлюли-малины в эфир я начал визжать как недорезанный поросенок на одном из совещаний у незадолго до меня подключившегося к кампании главы президентской администрации Радия Х., он со мной согласился, и проект был благополучно похерен.

Что же касается поддатого дядьки – то ему мной было твердо, правда не без дрожи в голосе заявлено, что хоть мне

и глубоко безразлично, что там лично он обо мне думает, но если он хочет – то может узнать прямо сейчас, что «Намедню» я не открывал, а закрыл как раз.

После чего поддатый дядька тысячу раз извинился, сказал, что он крайне счастлив, что я не оказался тем негодяем, который оскорбил красу и гордость их села. Потом он сказал, что после выборов вообще-то «политика ущен¹² улучшилась у вас» и подвел ко мне студента-сына, показав ему меня в качестве ориентира – докуда можно дорасти, если учиться хорошо.

Дядька просто не знал, что срок на журфаке МГУ я мотал лет десять, к зимней сессии приступая ближе к лету и наоборот, что и привело к тому, что на тот момент он беседовал с первым со времен революции башкирским министром без высшего образования. Я с первого курса работал, после каждой сессии меня выгоняли строгие люди из учебной части, но всегда подписывал заявление о восстановлении наш мудрейший и светлейший декан Ясен Николаевич Засурский, приговаривая, «правильно, чего здесь тебе сидеть, бегай, работай».

¹² Очень (местная лингва-франка)

Бабаевцы vs Бабай

Кампания-2003 была невероятно бестолково организована штабом Бабая. Ее нужно во все учебники для юных пиарщиков и политтехнологов включить и каждый семестр по ней экзамены принимать. При всей той мощнейшей базе, и электоральной, и материальной, и кадровой, да любой, которая нужна для победы на выборах, в 2003-ем году все, кто номинально были за Бабая, сделали все, чтобы он выборы проиграл.

Нужно-то было, всего лишь обладая изначально приличным рейтингом, не вступая в перепалку с агрессивными оппонентами, провести спокойную консервативную кампанию, в ходе которой пообещать людям все, за что его критикуют Веретенко и Савин, поправить и двигаться дальше. Но бабаевские агитаторы с пеной у рта пытались доказать, что республика под руководством Бабая – это уже сегодня рай на земле, а кто с этим не согласен – тому мы» щас колесо проколем, электыр выключим, газ перекроем, потому что он бессовестный и неблагодарный человек, который против президента пошел!»! Избиратель же отказывался признавать свои Старокалмашево и Толбазы раем и из принципа голосовал за оппозицию.

Оппозиция спровоцировала Бабая и его окружение на прямой бестолковый конфликт с умелыми бойцами, ко-

торые втянули его в ринг, где он отродясь не бывал и где, естественно, пропускал удар за ударом.

Дальше было, что было. Если кто забыл – напомним. В первом туре за Бабая проголосовало 43% избирателей, а за Веремченко – 25%. Еще 23% поддержали Савина. То есть за Бабая было 43%, а против – 48. Ралиф Рафилович после первого тура, правда, сказал, что так или иначе «президентом должен быть мусульманин», но избиратель обычно в таких случаях не слушает своего фаворита на сто процентов.

Однако все резко изменилось после того как Бабай съездил после первого тура в Москву и поговорил там с.... Со своим старшим товарищем, как говорят чиновники, причем, даже если «товарищ» годами младше. Вскоре после возвращения мрачного и усталого Бабая нам передали видеокассету в формате бетакам, на которой Сергей Веремченко говорит, что он просит своих избирателей на выборы не приходить, потому что он передумал становиться президентом республики.

И во втором туре убедительную победу одержал Бабай. Который еще до первого тура прекрасно понимал, что что-то нужно менять, назначив 39-летнего Радия Х. главой своей администрации. В начале 2004-го года перемены начались, и это было хорошее время для республики.

Местечковые «младореформаторы»

После подведения итогов второго тура мы особенно ничего не праздновали – было понятно, что одержанная победа была пирровой и не чистой.

Каждый из тех, кто работал на предвыборный штаб, понимал, что победу обеспечили не наши гениальные идеи, а долгая беседа Бабая после первого тура.

Причем также было многим из нас понятно, что за свою победу ему пришлось что-то пообещать. Было ясно даже – что. Ясным было и то, что отдавать он торопиться, как обычно, не будет. А его будут торопить. И это выльется в новое политическое противостояние. Потому будущее в работе на Бабая светлым быть особенно не обещало.

Но поработать на него все же хотелось. Кроме прозаического тщеславия, которое не давало ни на секунду усомниться, что совсем не зазорно занять в 25 лет министерскую должность в одном из крупнейших регионов великой страны, был и еще ряд причин.

Первая и главная из них – было понятно, да Бабай и не скрывал этого, что в республике все очень здорово изменится в начале 2004-го года. Мне искренне хотелось ему в этом помогать. У нас у всех, кто пришел к нему на рабо-

ту в конце 2003 – начале 2004 года, было все же ощущение подъема – мы видели, что дед понял, что многое делал неправильно и готов к реформам. Мы были безмерно счастливы тем, что нас, активных, но, в общем, беспородных молодых парней наконец заметил тот, от кого все зависит в республике, и призвал к себе в помощники. Мы понимали, что это совершенно новый виток в наших карьерах, что мы будем пытаться изменить огромный регион, и от того, насколько мы будем успешны, зависит качество жизни четырех миллионов людей, в том числе и наших близких.

Одним словом, мы были горды собой и надеялись, что внесем свой вклад в историю республики, при этом, естественно, добиваясь и личных успехов.

В первые же недели после инаугурации Бабай объявил всем, что готовит революционные преобразования и что возглавит этот процесс 39-летний глава его администрации, новый фаворит Радий Х..

Республика замерла в тревожном ожидании...

Новый улучшенный Бабай

Возможно, кому-то в это будет сложно поверить, но, начав работать с Бабаем в 2003 году, я нашел его абсолютным демократом, способным принимать любые аргументированные возражения и конструктивную критику.

В день назначения я зашел в его кабинет и сказал на военный манер, что жду, мол, указаний об основных направлениях для выстраивания информационной политики в республике. Разумеется, этот вопрос был задан вместе с рекомендованным мне «бывалыми» помпезным спичем о благодарности за доверие, обещании не подвести, и т. д. и т. п. Бабай слушал спич, поморщиваясь, а я все думал – неужели надо было с большим придворным рвением все излагать? Но оказалось, что Бабаю того образца даже моя «лесть в деловом стиле» была не нужна:

– Ну, хин бит укыган кеше¹³! Сам же знаешь чё надо делать... Раз, будем говорить, кто-то недоволен, значит, есть что-то, так? Когда критикуют – конечно, никому не нравится. Но критика должна же быть? Так? Давай, работай.

– Ээээээ... То есть мне необходимо подготовить коммуникативную стратегию с учетом необходимости декларирования большей открытости республиканской власти к по-

¹³ Ты же ученый человек (башк.)

требностям критически настроенной части общества...

– Канишна! А то у нас же любят некоторые руководители говорить, что они непогрешимы. В общем, вы занимайтесь с Радием Фаритовичем.

Казалось, ему этот разговор наскучил, еще не начавшись. Всем своим видом он говорил – «улым¹⁴, я не для того тебя нанял, чтобы ты мне тут мозг компостировал своими умными словами, а для того, чтобы ты попробовал что-то сделать. Так что иди и пробуй, ну а не получится – другого умника найдем».

Поняв это, я не стал больше надоедать ему словами про «коммуникативную стратегию», а перешел на так понятные ему практические вопросы:

«А можно этого возьмем?», «А давайте этого выгоним?», «А сможете ли этого принять?» и еще парочки, которые и составляли, в принципе, суть любого разговора с ним любого подчиненного.

Отвечал он всегда на такие вопросы быстро и односложно, что упрощало систему управления республикой невероятно и оставляло ему время в кабинете чинить собственный стул, слушать последний альбом Василии Фаттаховой, смотреть прыжки в длину на юношеском чемпионате по легкой атлетике... А львиную долю бесед в его кабинете – в случае, если он считал, что они должны быть длинными, чтобы все видели: человек был у него долго, а значит, к нему надо соот-

¹⁴ Сынок (башк.)

ветствующим образом относиться – составляли беседы про родственников, детей, увлечения собеседников и так далее.

В тот день, например, Бабай, кроме словосочетания «коммуникативная стратегия», узнал еще, что моя мама родилась и выросла в Карламане под Уфой, а теща, родившаяся в Секретарке, что в Татарстане, долго жила в Приютове, где и познакомилась с моим тестем, который работал в газовой промышленности, в том числе 4 года закупал для астраханского газконденсатного завода оборудование во Франции, где моя жена научилась не хуже, чем на русском, говорить по-французски, что потом пригодилось ей при поступлении в МГИМО...

Я же обогатил себя знаниями о том, что пока Бабай, тоже во Франции, закупал оборудование для своего НПЗ, он подумал, что под эту сурдинку надо хоть заводчанам чего-то импортного привезти и что особенно народ с ума сходил от французских колготок, время-то было дурное, ему, директору завода, пришлось даже свиней на территории НПЗ разводить и картошку выращивать, чтобы заводчан кормить, потому что в этом вот самом кабинете при советской власти ничего выпросить, кроме пи..юлей, было нельзя, а ведь они, директора заводов, часто бывали за границей и знали, что там жизнь совершенно другая, не советская...

Одним словом – разговор действительно получился долгим.

Счастливый и гордый, с лихорадочным блеском осозна-

ния, что я «улыган кеше» в ЕГО глазах, выйдя из кабинета, я обнаружил в приемной нескольких министров и вице-премьеров, которые сидели тут уже больше часа и потому смотрели на меня с уважением:

– Ээээ... Извините, что задержал. Вопросов накопилось...

– Понимаем, понимаем, – ответили министры и вице-премьеры.

Они ведь тоже когда-то впервые заходили в этот кабинет для обсуждения стратегических вопросов.

Огни

После этого визита я понял, что ходить к Бабаю за вводными не надо, а надо ходить, если есть необходимость рассказать о чем-то, что ему стоит знать, сказать, что ты предпринимаешь и спросить, все ли ты правильно делаешь. Одним словом – нужно было задавать вопросы так, чтобы он мог отвечать на каждый из них одним словом, да или нет.

Однажды, будучи еще уверенным, что запретных тем для нас нет, я решительно вписал в список вопросов для обсуждения у Бабая тему открытия клуба «Огни» в столице республики.

Местные жители, видимо, еще помнят эту историю, а не местным вкратце расскажу, что «Огни» строил вышеупомянутый Сергей Веремченко, причем сдача пришлась как раз на время активной фазы кампании-2003.

Разумеется, все республиканские проверяющие органы обнаружили в данном возводимом объекте все мыслимые нарушения, хотя, скорее всего, столь скрупулезным выполнением санитарных, морально-этических и прочих, когда-либо существовавших в природе норм, кроме «Огней», в России на тот момент не мог похвастать даже московский Кремль.

Но открывать клуб не разрешали.

В итоге ситуация была традиционно доведена до состо-

нения полного абсурда. Промоушн клубу был обеспечен колоссальный. Наверное, не было половозрелого жителя региона, который не знал бы результатов очередной проверки «Огней» очередной санэпидемстанцией. Бабай же выглядел в общественном мнении старым маразматиком, который ни за что не хотел позволить горожанам приобщиться к ультра-современному досуговому центру только потому, что его построил человек, перешедший ему дорогу на выборах.

Я набросал заявление от лица Бабая, которое с годик назад мог бы показать ему, с предложением опубликовать в официальной прессе, только чиновник с суицидальными наклонностями.

Вручив ему листок, я яростно говорил с минуту без обычного своего почтительного мычания, что если этот фарс не прекратить и не дистанцироваться от дурной истории таким заявлением, то мы сами будем рисовать президента республики мстительным злобным монстром. А сейчас, мол, наоборот есть хороший повод закончить предвыборные войны и объединить расколотую на три части республику, если мы объявим, что сводить счеты с политическими оппонентами нельзя, а если в чьей-то вотчине кто-то голосовал против власти – покопайтесь, мол, в себе.

Там говорилось дословно следующее:

Нагнетание обстановки вокруг развлекательного комплекса «Огни» вынуждает меня вмешаться в эту ситуацию.

После неоднозначной предвыборной кампании наше общество крайне резко реагирует на любые проявления какой бы то ни было некорректности. В то же время сами люди, в том числе и бывшие кандидаты, и работники предвыборных штабов, а также чиновники часто ведут себя некорректно.

«Самое недопустимое – это искусственное, надуманное разделение общества на тех, кто голосовал „за“ или „против“ на недавних выборах, – говорил я за Бабая. – Сразу после того, как эта кампания завершилась – я потребовал от всех наших руководителей никого не преследовать за голос, отданный кому бы то ни было».

Я дал поручение главе администрации Уфы – разобраться, нет ли здесь такой ситуации. Если действительно ввод здания в эксплуатацию затягивается какими-либо чиновниками намеренно – необходимо принять меры.

А тем руководителям, которые собираются преследовать «неправильно» проголосовавших, рекомендую покопаться в себе, задуматься, почему люди недовольны существующим положением вещей и приступить к искоренению существующих недостатков.

Честно говоря, несмотря на уверенность, что Бабай наш нынче – демократ, а я как раз и должен донести эту секретную ранее информацию окружающему миру, легкий холодок по спине пробежал, когда он долго читал эту одну страничку

ку, а прочитав, нахмурился и замолчал на пару минут, уставившись на легкоатлетов в телевизоре. Он любил так делать, боковым зрением снимая реакцию с собеседника.

Суицидальных наклонностей у меня на самом деле никогда не было, а потому молчал и я, глядя в свой экземпляр текста и проклиная себя за излишнюю самонадеянность.

Наконец он «ожил» и протянул мне листок с крамольным заявлением:

– Ладно.

– Эээээээ... – снова замычал я, – даём?

– Ладно, – повторил он, поджав губы и напряженно ожидая результатов прыжка прыгуна из Танзании.

Решение ему явно далось нелегко, и я не стал продолжать лезть к нему с другими темами, пока он не передумал по этой.

А эта тема была для меня важным тестом, действительно ли я смогу что-то менять в поведении деда или я тут просто для мебели.

Выяснилось, что не для мебели.

Выход этого заявления наделал на следующий день много шума. Среди моих друзей было много тех, кто голосовал за Верemenко и за Савина. За кружкой пива в тех же самых «Огнях» (поначалу, кстати, весьма неплохого, но потом стало похуже, когда присматривавшая за проектом Алла Верemenко стала там реже появляться) они хвалили и меня, и шефа, а я сиял как намазанный блин и проявлял признаки

звездной болезни.

Друзья сказали, что будут теперь называть моего начальника «новый улучшенный Бабай».

Нацпроект по поддержке заборостроения и травokoшения

Демократом, впрочем, Бабай был весьма своеобразным.

Он понимал, что значительная часть его паствы была чем-то недовольна, что и вылилось в те проблемы, которые у него возникли на выборах. Однако у него даже на секунду не возникало мысли о том, что это с ним что-то не так. Он был уверен, что надо просто подчистить ряды своих подчиненных, которые он что-то подзапустил в силу доброты душевной.

На совещаниях с главами администраций городов и районов, которые в последние двадцать лет были главной опорой вертикали власти в республике, начались приблизительно такие выступления Бабая:

– Ну что, дорогие товарищи. Мы с вами подвели итоги выборов. В целом народ поддержал политику действующего руководства. Однако выяснилось, что некоторые руководители потеряли доверие народа. Поэтому будем человек 10—15 из вас снимать.

...В зале звонкая тишина и липкий запах пота.

Себя при этом, естественно, снимать он не собирался. Он же точно всегда знал, что народ его любит – как же, сколько ездит по районам и слова дурного ни от кого не слышал. Парадоксальные, полные противоречий выступления

продолжались одно за другим:

– Если вы мне что-то тут хотите сказать, что народ у вас какой-то не такой, голосует не так, то, сё... Бук сэйнаб ёрёмэгез¹⁵! Все зависит от руководителя. Некоторые совсем совесть потеряли. Едешь по некоторым районам – вдоль дорог бурьян растет, заборы покосившиеся, потом не удивительно, что люди не так голосуют.

Главы районных и городских администраций после этого твердо поняли: можно делать все, что угодно, можно приватизировать весь свой район, иметь в женах пол своей администрации, утопить по пьянке в пруду джип с мигалками, но главное преступление – это не скошенная трава вдоль дорог и покосившиеся заборы.

Думаю, статья расходов главы на заборостроение и травокошение в каждом районе была куда внушительнее, чем на машиностроение и земледелие, например.

Это был своеобразный местный нацпроект.

¹⁵ Нечего дерьмо месить (башк. притча, аналог русской «хватит сопли жевать»)

«С молодыми мне легче работать»

Но вернусь к нашим великим демократическим преобразованиям (уверен, иронию в голосе в этом месте вы слышали).

В ходе «разбора полетов» мне было понятно, что Бабаю пора дать программное интервью какому-то, желательно федеральному серьезному СМИ, где все-таки нужно дать ответы на повисшие после выборов вопросы.

Воздух был крайне наэлектризованным. Четыре миллиона человек, взъерошенные Верременко и Савиным, весьма хотели бы знать – что там на самом деле случилось с республиканским нефтепромом и ужель правда Урал Бабаевич его приватизировал? Как вообще чувствует себя дед в свои 70 и как себя чувствуют другие не юные и основательно поднадоевшие им начальники республики? Будет ли обязательным в школах язык титульной нации, который учить никому не хотелось? Когда перестанет всех мучить советским агитпропом местное ТВ, да и вообще – что же будет с родиной и с нами?

Бабай вроде тоже понимал, что программное интервью нужно.

Но после кампании 2003 года его тошнило от любых СМИ, потому что, открывая каждое из них, он с ужасом ждал очередных ударов оппонентов, искренне считая, что

удары это крайне не заслуженные, потому что он все делает только на благо людей.

Мы чуть ли не каждый день приносили ему новые варианты вопросов от новых СМИ с настойчивой просьбой уже наконец определиться, кому из них мы даем интервью

Но, читая вопросы, среди которых, разумеется, всегда присутствовали и все вышеперечисленные, он начинал злобно пыхтеть, щурить и без того монголоидного типа глаза и невпопад бросать фразы а-ля:

– Ну смотри... Ну что это... Это же бизабразие... По какому праву... Это же пиарство... Провокационные же вопросы... Вот, смотри – кто приватизировал ТЭК? Все сейчас стали нефтяниками! Ну какое им дело? Мы же строим дороги, проводим газификацию, мы же не бросили село!!!

В ответ я в сотый раз начинал среди начальника пиар-ликбез:

– Муртазулэч (при частом употреблении это имя-отчество у его регулярных собеседников обычно превращалось именно в такое «Муртазулэч», а у самых близких боевых товарищей – даже в «Мурта-зэч»), это вопросы, которые крайне актуальны в обществе, и «Коммерсантъ» не может их не задать, аудитория этого не поймет...

– Какое общество? Они же все служат олигархам. Камирсант твой любимый – он же принадлежит Березовскому!

Мое всегдашнее «да, принадлежит, но он не вмешивается в редакционную политику» вызывало в нем каждый раз бурю

эмоций и стократное усиление и без того обычно сильного акцента, которое окончательно превращало его язык в русско-башкирско-татарскую лингва-франку:

– Кит, эшту за глупост сиящаб утрасын, нишляп¹⁶ он не будет вмешиваться, если он его финансирует?

– Он не финансирует, Муртазулэч. Такие газеты, как «Коммерсантъ» и «Ведомости», например – самоокупаемы.

Тут он начинал уже беззлобно хихикать над моей экономической безграмотностью, думая, что раз он тратит в год миллиард на поддержку СМИ, то и остальные СМИ должны зависеть только от строки в бюджете и разнарядки главам на количество подписавшихся.

– Ярар инде¹⁷, давай, я уже всем надоел, каждый день же по телевизору, вот ты у нас молодой, красивый, иди, рассказывай. Как семья? Ева растет?

Торопливое «растет, но я их не устрою в качестве ньюсмейкера» он уже не слушал.

В конце концов, все-таки удалось его уговорить на интервью «Труду», где было меньше, чем у других готовых на интервью федеральных газет предвыборной остроты и размещалова, а руководил которым тогда к тому же, похожий на Бабая возрастом и менталитетом главный редактор Потапов.

¹⁶ Брось, что за глупость говоришь тут сидя, как это... (рахимовская лингва-франка)

¹⁷ Ладно уже

В его вопросах, естественно, тоже были и «провокационные», но вместе с журналистом «Труда», который их готовил, мы преобразовывали первоначальное вроде:

«1. А не вы ли с сыном стырили республиканский ТЭК?»

В гладкую для Бабая формулировку типа:

«1. Предприятия республиканского ТЭКа – краеугольный камень экономики республики, основа ее выдающихся социально-экономических показателей, согласно которым республика входит по основным параметрам в число лидирующих регионов страны. Каковы на данном этапе особенности организационно-правовой формы функционирования энергетики республики и что, на ваш взгляд, было бы лучшим ответом отдельным политикам, огульно критикующим данные особенности?»

Получив этот бальзам на раны в форме вопросов к интервью (которых в окончательном варианте интервью, разумеется, днем с огнем не сыскать), Бабай сказал, что вот же, мол, совсем другое дело, сразу понятно, что руководит предприятием человек из ранешнего времени, ведь все же зависит от руководителя.

Он схватил трубку телефона и записную книжку, долго искал там фамилию Потапов, сам набрал номер и долго объяснял его секретарше, что он правда Бабай, тот самый политический тяжеловес. А когда соединили – долго и тепло вспоминал вместе с собеседником, как вот раньше не было пиарства и заказных статей и как они героически вместе от-

стаивали завоевания перестройки в начале девяностых.

Одним словом – интервью состоялось.

История умалчивает о том, появлялся ли в итоге корреспондент «Труда» у Бабая, а также о том, насколько близок текст к диктофонной записи и была ли вообще такая запись, или Бабай просто сказал кое-кому по каждому вопросу типа «тут напиши, что все осталось у нас, у республики», а этот кто-то уже выкручивался, придумывая правдоподобные формулировки, но в итоге получилось вот что, утвержденное и с громким заголовком «С молодыми мне легче работать» (в газете потом прошел чуть усеченный вариант, который и сегодня можно найти в сети). Потом еще были откровенные разговоры с «Коммерсантом», «Профилем», «Российской газетой» и другими.

«Труд»:

– ...Ведь ни один человек не поверит, что у власти – любой – нет недостатков. А если верить государственным СМИ республики – то у нас все хорошо на всех направлениях. Непонятно только, откуда берутся недовольные...

– Но разве не Ваши подчиненные выстраивают такую информационную политику?

– У нас многие журналисты и чиновники никак не могут перестроиться с советских методов работы на современные. Хотя лично я всегда считал, что власть должна быть открытой.

– Ваша администрация в последнее время становится заметно моложе. С чем это связано?

– Это естественный процесс, и он будет продолжаться. Молодые должны в госорганах работать, со свежим взглядом, новыми идеями. Мне, честно говоря, с молодыми даже проще общаться. Они легче на подъем, с большим старанием берутся за сложные дела, чем пожилые люди. Бывает – в поездке по районам предлагаешь какой-то новый проект внедрить пожилому председателю колхоза – он в ответ: «Зачем? У меня и так все нормально». А потом то же самое предлагаешь молодому – он через год уже внедряет и начинает более продуктивно, чем более опытный коллега, работать. Другое дело, что все-таки нужно контролировать неуемную энергию, чтобы она во вред не пошла.

«Российская газета»:

– А в чьей собственности сейчас находятся предприятия ТЭКа?

– Слухов много распространяют на эту тему.... На самом деле топливно-энергетический комплекс никогда не принадлежал и не принадлежит ни какому-либо физическому лицу, ни частной фирме, ни группе лиц. Мы вынужденно и сознательно провели приватизацию таким образом, чтобы владельцами этих предприятий, грубо говоря, стали те же самые трудовые коллективы. Акции были переданы нескольким организациям, учрежденным

самими же предприятиями нашего ТЭКа. У нас были веские основания для того, чтобы сделать именно так. Будучи государственными, наши энергетические предприятия стали объектом агрессивной и абсолютно противозаконной по своей сути рейдерской атаки. И если бы не наши решительные действия, нефтезаводы и многое другое уже давно действительно принадлежало бы пресловутым «частным лицам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.